УДК 347.232.43

МЕЛЬНИК Е.А.,
МАЛЬБИН Д.А.

Виды владения и значение их выделения в проекте федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ

Проект Федерального закона № 47538-6, подготовленный на основе Концепции развития законодательства о вещном праве, проводит классификацию владения на виды. В данной статье авторами проанализированы правовая сущность и основы дифференциации законности и незаконности, добросовестности и недобросовестности владения, особое внимание уделено тому обстоятельству, что названные владельческие ситуации имеют отношение только применительно к петиторным способам защиты прав, но не к средствам защиты фактического владения.

Ключевые слова**:** владение, виды владения, законное владение, незаконное владение, добросовестное владение, недобросовестное владение.

На рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации находится проект Федерального закона №47538-6[1]. Указанным законопроектом предлагается внести кардинальные изменения в систему гражданско-правового регулирования, в частности внести изменения в раздел о вещных правах Гражданского кодекса РФ[2], включив в последний институт фактического владения вещью и его защиты.

В пункте 1 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации в редакции проекта Федерального закона № 47538-6 (далее по тексту – Проект ГК) закреплено понятие владения, согласно которому владение означает фактическое господство лица над объектом владения. Владение сохраняется, пока владелец имеет свободный доступ к объекту владения.

Проект Гражданского кодекса РФ проводит дифференциацию владельческих ситуаций, различая владение законное и незаконное (ст. 213 Проекта ГК), добросовестное и недобросовестное (ст. 214 Проекта ГК).

В качестве законного владения статья 213 Проекта ГК называет владение, которое осуществляется на основании: 1) права собственности или иного вещного права, включающего в себя правомочие владения, и 2) соглашения с собственником или обладателем иного вещного права, включающего в себя правомочие владения. Таким образом, Проектом ГК по своему содержанию предполагается различие двух титулов владения: вещного и обязательственного.

Статья 214 Проекта ГК раскрывает понятие добросовестного владения. Так, в соответствии с указанной нормой статьи владение, осуществляемое при отсутствии оснований, предусмотренных пунктом 1 статьи 213 Проекта ГК, признается добросовестным, если владелец не знал и не мог знать о том, что он приобретает владение незаконно, либо о том, что основание законного владения отпало.

В данном вопросе стоит отметить, что Проект ГК совершенно правильно отграничивает понятие добросовестного владения от законного, указывая на то, что владение может признаваться добросовестным только при отсутствии титула на вещь. Такая конструкция является правильной и отражающей существо правоотношений, т.к. добросовестность – атрибут незаконного владения.

Кроме того, статьями 213 и 214 Проекта ГК предусмотрены правовые презумпции, в

соответствии с которыми владение признается законным, пока судом не установлено иное (п. 2 ст. 213), и добросовестным, пока судом не установлено иное (п.2 ст.214). Очевидно, что в целях правильного применения закона следует разобраться в конкуренции указанных презумпций.

При такой законодательной конструкции, когда прямо не установлено, какая из двух презумпций подлежит первоначальному применению, стоит признать, что примат имеет презумпция п. 2 ст. 213 Проекта ГК, указывающая на предположение законности владения. В случае, если в судебном процессе о защите владения ответчиком (или иным лицом, участвующим в деле) доказана незаконность владения истца, то вступает в действие презумпция п. 2 ст. 214 Проекта ГК и владение истца презюмируется добросовестным, пока не доказано иное.

В пользу такого толкования говорит не только практическая целесообразность, но и очередность закрепления презумпций в Проекте ГК: статья 213, посвященная законному владению, конструктивно находится ранее статьи 214, посвященной добросовестному владению. Кроме того, если предположить, что приоритет имеет презумпция добросовестности владения и она подлежит первоначальному опровержению, то такая конструкция не имеет правильной реализации, т.к. в таком случае ответчик (или иное лицо, участвующее в деле) не сможет доказать недобросовестность владения истца, не доказав при этом отсутствие правового титула.

Таким образом, презумпция законности владения является первоочередной, в то время как презумпция добросовестности владения имеет силу только в случае опровержения презумпции, закрепленной в п. 2 ст. 213 Проекта ГК.

В данном контексте следует разобраться также в вопросе о том, имеет ли значение разделение владения на виды и какое значение может иметь такая классификация в регулировании отношений владения.

В соответствии с п.1 ст. 215 Проекта ГК защита владения осуществляется путем возврата вещи лицу, которое его лишилось. Право на защиту владения, согласно п. 2 ст. 215 Проекта ГК, имеет любой владелец – как законный, так и незаконный. Пунктом 1 статьи 218 Проекта ГК предусмотрено правило, по которому лицо, к которому предъявлено требование о защите владения, не может в качестве возражения ссылаться на то, что ему принадлежит право на объект владения.

Анализ нормы п. 2 ст. 215 Проекта ГК позволяет сделать вывод о том, что истцом по иску о защите владения может быть не только добросовестный незаконный владелец, но и недобросовестный незаконный владелец ввиду того, что, во-первых, понятие незаконного владения включает в себя понятия добросовестного и недобросовестного владения, а во-вторых, законопроект не указывает особо на добросовестного владельца как на активно легитимированного по посессорному иску. Смысл конструкции защиты владения состоит в том, что такая защита может быть предоставлена даже недобросовестному незаконному владельцу от самоуправства и нарушения владения со стороны третьих лиц.

Таким образом, лицо вправе защищать свое утраченное владение безотносительно к наличию титула на вещь. Предусмотренная Проектом ГК конструкция защиты фактического владения в полной мере соответствует историческим корням посессорной защиты и отражает ее специфику – рассмотрение вопроса о праве на вещь в ходе процесса исключается.

Нормы о фактическом владении структурно находятся в подразделе 2 «Владение» раздела 2 «Вещное право» Проекта ГК. Очевидно, что расположение норм о владении и его защите не позволяют говорить о том, что такие нормы имеют свое применение в отношении вещных прав потому, что раздел о вещных правах включает в себя подраздел об общих положениях о вещных правах, который по своему содержанию и устанавливает общие правила регулирования вещных правоотношений. В то же время подраздел о владении должен иметь применение только в отношении фактического владения вещами.

Если предположить, что презумпции п. 2 ст. 213 и п. 2 ст. 214 Проекта ГК действуют также в отношении вещно-правовых способов защиты (в частности, виндикационного иска), то следует сказать, что при

подаче встречного виндикационного иска к истцу по владельческому иску каждый из истцов по отношению к другому будет, во-первых, являться нарушителем владения и владельцем одновременно, а во-вторых, каждое из утерянных владений истцов будет предполагаться законным по ст. 213 Проекта ГК, что само по себе абсурдно.

Противоречивость складывающейся ситуации выражается также в случаях, когда истец по встречному виндикационному иску доказывает наличие собственного титула на вещь, нарушение владения ответчиком (истцом по посессорному иску), но не может опровергнуть презумпцию законности владения истца по иску о защите владения. При этом ответчику по виндикационному иску (истцу по владельческому иску) в судебном процессе достаточно ссылаться на презумпцию законности его утраченного владения без представления каких-либо доказательств. Учитывая то, что для удовлетворения виндикационного иска необходимо доказать незаконность владения ответчика, в таком случае встречный виндикационный иск не подлежит удовлетворению, т.к. презумпция законности владения истца по посессорному иску не опровергнута.

Следовательно, классификация владения на виды и выделение законного и незаконного, добросовестного и недобросовестного владения имеет институциональное (в рамках института фактического владения и его защиты) значение и применяется в случаях защиты владения посредством посессорных исков (посессорная защита).

Классификация владения в зависимости от наличия титула на законное и незаконное не находит реализации в посессорном процессе. Наличие титула на вещь имеет непосредственное значение только при применении вещно-правовых способов защиты, но не в споре о защите фактического владения.

Что касается деления владения на добросовестное и недобросовестное, то такая классификация могла бы иметь юридическое значение только в том случае, если бы Проект Гражданского кодекса учитывал добросовестность владения при приобретении права собственности на вещь по давности владения (usucapio). В статье 242 Проекта ГК, регламентирующей порядок приобретения права собственности по давности владения, отсутствует указание на добросовестность владения как на один из квалифицирующих признаков. Так, в соответствии с п.1 ст. 242 Проекта ГК лицо, не являющееся собственником вещи, но открыто и непрерывно владеющее как своей собственной недвижимой вещью в течение пятнадцати лет либо движимой вещью в течение пяти лет, а лицо, владеющее движимой или недвижимой вещью, выбывшей из владения собственника помимо его воли, – в течение тридцати лет, приобретает право собственности на эту вещь (приобретательная давность).

Как видно из анализа нормы статьи 242 Проект ГК не проводит различия в последствиях приобретения права собственности по давности владения для добросовестного и недобросовестного владельца.

Добросовестность имеет значение только в рамках института добросовестного приобретения вещей: ст.147.1, 149.3 и 241 Проекта ГК. Однако и в указанных статьях Проекта ГК речь идет не о добросовестном владении, а о добросовестном приобретении, на что не безосновательно указывает Д.О.Тузов применительно к Гражданскому кодексу РФ в редакции, действующей в настоящее время[3].

Единственное последствие презумпций статей 213 и 214 прослеживается в статье 217 Проекта ГК, согласно пункту 3 которой законный владелец и добросовестный владелец вправе требовать защиты своего владения независимо от времени владения вещью. В то же время пунктом 1 статьи 217 Проекта ГК предусмотрена обязанность истца по владельческому иску доказать, что он (истец) владел вещью в течение года до нарушения, послужившего основанием для предъявления требования о защите владения. Однако и эта норма не обеспечивает классификации владения полноценную реализацию в связи со следующим.

Целью посессорной защиты, как это заявлено в Концепции развития законодательства о вещном праве[4] и указывается в литературе[5], является борьба с самоуправством и насилием. Однако владельческая защита не достигает заявленной в Концепции цели в случаях, когда истцом является незаконный владелец,

который владел вещью менее года, в то время как ответчиком по иску является также незаконный владелец, лишивший владельца вещи помимо его воли.

В конструкции, закрепленной в Проекте ГК, ответчику необходимо доказать незаконность владения истца, а также его недобросовестность. В случае, когда указанные факты ответчиком будут доказаны, в то время как истец владел вещью менее года, рабочей группой по подготовке законопроекта сформирован барьер в реализации средств посессорной защиты против нарушителя владения, который также не имеет титула на вещь. Безусловно такая ситуация себя оправдать не может.

Особенно несправедливой кажется ситуация, когда собственник вещи не заинтересован в возврате вещи, а в борьбу за вещь в таком случае включаются по сути два незаконных владельца. Причем по буквальному смыслу Проекта ГК незаконный владелец, владевший вещью менее года, не будет иметь защиты против другого незаконного владельца.

Проведенный анализ норм Проекта ГК показал несостоятельность деления владения на законное и незаконное, добросовестное и недобросовестное при применении владельческого иска. Наличие титула на вещь не является предметом рассмотрения в посессорном процессе, в связи с чем всякие ссылки на наличие титула исключаются a priori. В случае, если ответчиком предъявлен встречный петиторный иск, презумпции ст. 213 и 214 Проекта ГК не имеют значения, т.к. указанные нормы статей имеют применение только в отношении истца в посессорном процессе. При этом добросовестность владения также не учитывается в целях истребования вещи посредством владельческого иска. Законность и незаконность, добросовестность и недобросовестность владения имеют отношение только применительно к петиторным способам защиты прав, но не к средствам защиты фактического владения.

---

[1] Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

[3] См.: Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут, 2007. С. 171; *Он же*. Продажа чужой вещи и проблема защиты добросовестного приобретателя в российском гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2007. № 1. С. 9.

[4] Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 105.

[5] См.: Дроздов И.А. Доклад о владении // Закон. 2011. № 1. С. 36.